

М. Покровский

**Историческая наука и борьба
классов**

Выпуск 2

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 32
ББК 66
П48

П48 **Покровский М.**
Историческая наука и борьба классов: Выпуск 2 / М. Покровский – М.: Книга по Требованию, 2018. – 448 с.

ISBN 978-5-458-52130-7

Отмечая годовщину со дня смерти М.Н. Покровского Редакционная коллегия по изданию его сочинений выпускает в свет сборник его историографических работ. В нем собрано все основное, характеризующее Михаила Николаевича как неутомимого борца-большевика против буржуазной историографии и буржуазного принципа беспартийности в науке, против контрреволюционного троцкизма и правооппортунистических теорий.

ISBN 978-5-458-52130-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2018

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2018

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

зайства или средневекового права и в то же время держаться того или другого философского предрассудка, по своей методологической «ценности» ничуть не уступающего вере в домового.

Судьба немецкой историографии — не по каким-либо особым свойствам «немецкого национального характера», разумеется, а просто в силу местных исторических условий — судьба немецкой историографии была в этом случае несчастлива. Прежде всего сказалось опасное соседство с богословием и его законной и достойной наследницей — догматической метафизикой. С богословием сближало уже само материальное содержание истории немецкого народа. Реформация долго была кардинальным пунктом этой истории: если немцу нужно было указать, чем его народ отметил себя в истории общеевропейской культуры, он прежде всего припоминал Лютера. Наша школьная история, построенная по схеме немецких учебников, в своих рубриках до сих пор хранит следы этой особенности своего прототипа. До сих пор мы объединяем западноевропейскую историю XVI—XVII вв. названием «эпохи Реформации», пытаемся охарактеризовать всю сложную картину укладывающихся в эти хронологические рамки хозяйственных, политических и культурных явлений по одному второстепенному признаку — церковной реформе. До сих пор мы ставим в центре этой эпохи Лютера, который не был ни первым, ни самым влиятельным деятелем даже церковного переворота.

Лютеранский пастор стал первым наставником и руководителем немецкого историка. В известном смысле он стал таким руководителем даже для тех немцев, которые остались верны старой церкви: католические историки немецкого народа ориентировались и ориентируются (как например в последнее время Янсен) все по той же «реформации», давая ей только другую, противоположную оценку. С XVIII в. церковное влияние понемногу уступает влиянию университетской метафизики. Но более либеральная в выражениях, более рассудочная в деталях и мелочах метафизика не порвала окончательно ни с одним из основных догматов протестантского богословия. Признание личного божества, бессмертия души и свободной воли человека, обуславливающей его нравственную ответственность, — все это осталось на своих местах в догматической метафизике и с некоторыми, больше словесными, уступками в пользу эмпиризма и механического мирозерцания — все это пережито кри-

тическую реформу Канта. К истории ближайшее отношение имело учение о свободе воли и связанное с ним своеобразное понимание «роли личности в истории».

Споры об этом предмете не так давно были так страстны и в русской литературе. Но у нас ни одна из спорящих сторон не сомневалась, что человеческая личность — явление между другими явлениями, и спор мог идти лишь об относительном удельном весе «личности» в мире явлений. Для немецкого историка очень часто и до сего дня личность — не простое явление, а нечто исключительное, явление с трансцендентным признаком свободы, не позволяющим поставить его в общий ряд. Э. Мейер в только что цитированной брошюре придает очень серьезное значение свободной человеческой воле как одному из факторов исторического процесса. И когда Риккерт заявляет, что «понятие исторического закона есть *contradictio in adjecto*, так как история и закономерность (*Geschichtswissenschaft und Gesetzeswissenschaft*) суть понятия, взаимно исключающие друг друга», то он может казаться Колумбом лишь, может быть, некоторым русским мыслителям новейших типов: по содержанию то, что говорит Риккерт, — азбучная истина для большинства университетских историков Германии.

Бороться с застаревшими умственными привычками — дело очень трудное; если мы так легко, сравнительно с немцами, усвоили себе более прогрессивный тип исторической науки, то причиной вероятнее всего было просто полное отсутствие у нас каких бы то ни было научных традиций. Но научный предрассудок становится почти непобедим, когда он находит себе опору в чем-либо интересе, личном или в особенности в групповом. И надо же было случиться так, что исторический детерминизм в Германии стал лозунгом социал-демократии, и понятие «истории», — как мы ее формулируем, т. е. как науки, устанавливающей законы, — явилось перед немецким бюргером в ужасной форме марксизма...¹ После этого защищать «культурную историю», сложившуюся по образу и подобию естествознания, стало признаком не то что политической неблагонадежности — от этого понятия немцы уже понемногу отвыкают, — но во всяком случае признаком отсутствия академической респекта-

¹ Привычка смотреть на дело под этим углом очень характерно сказалась например в том, что Лампрехт, не без кокетства и задора назвал новую историческую методику «коллективистической» в противоположность общепринятой в Германии «индивидуалистической».

бельности, признаком дешевого популярничанья и, пожалуй, даже шарлатанства... Когда вы просматриваете в немецких ученых журналах рецензии на книги немногих отщепенцев, вроде Лампрехта, Брейзига и др., нельзя не заметить, что ученые авторы рецензий никак не могут признать «культурных» историков своими товарищами или по крайней мере честными и равноправными противниками. «Культурный» историк — всегда недобросовестный невежда, пишущий о том, чего он не знает: это — шаблонная, можно бы сказать тоже «академическая», в своем роде характеристика.

Эти беглые замечания имеют целью наметить тот общий фон, на котором выросла основная идея книги Риккерта: столь чуждая и странная для нас идея коренной, непримиримой противоположности истории и естественных наук.

«История рассматривает действительность с совершенно иной точки зрения (чем естествознание) и пользуется совершенно иным методом», говорит Риккерт: «Его наиболее общая точка зрения должна отличаться от наиболее общей точки зрения естественных наук и даже быть противоположна последней» (русск. перев. стр. 220, ориг. стр. 251, разрядка наша.—М. П.). «Как бы ни определялось в частности понятие исторических наук, естественнонаучное трактование истории ни в каком случае недопустимо, а потому естествознание и историческая наука всегда должны находиться в принципиальной логической противоположности между собой» (русск. перев. стр. 200—201, ориг. стр. 228).

При этом Риккерт несколько раз указывает, что он имеет в виду не какую-нибудь науку будущего, а действительно существующую историческую науку. Так как он не делает никакой оговорки насчет того, что все, носящее имя «истории» вне Германии, носит это имя незаконно; что например «История цивилизации во Франции» Гизо или «Старый порядок» Токвиля не имеют права называться историческими произведениями, потому что и Гизо, и Токвиль пользуются обычным «естественнонаучным» методом наблюдения и обобщения, — то очевидно он принимает в расчет лишь германскую историографию. Более детальный анализ показал бы, что и эту последнюю он берет далеко не вполне: что Моммзен например не подошел бы под его определение «историка». Едва ли Моммзен признал бы «исторической наукой в нашем смысле» только ту, которая «имеет дело с единичными индивидуумами как таковыми» и непременно

ным признаком которой являются собственные имена (русск. перев. стр. 377, ориг. стр. 444). Едва ли он согласился бы, что для того, «чтобы понять дух времени, история прежде всего должна исследовать индивидуальность руководящих умов и показать, как чисто индивидуальное мало-помалу переходит к массам» (русск. перев., стр. 422, ориг. стр. 500). Мы все читали конечно в «Римской истории» очень «скучные» главы с множеством собственных имен—разные описания сражений, например—и очень художественные, хотя и спорные в научном отношении, характеристики великих «индивидуумов». Но главную силу и привлекательность «Римской истории» составляет конечно изображение общего потока римской жизни (в последнем русском переводе Моммзена только эти главы и оставлены). Кроме разве большей талантливости и глубины, эта общая картина ничем не отличается от обычной «культурной» или «социалистической» истории, и если разные фон Беловы старых лет не подняли по ее поводу крика, то это потому, что Моммзен, с мудрой осторожностью, не дразнил своих коллег, не придавал своим «культурно-историческим» экскурсам принципиального значения и не пытался обосновать ими «новой исторической методы». Тип истории дал Риккерт несомненно только одно направление немецкой исторической науки—то, самым блестящим представителем которого был Ранке. Причем, как нам придется показать ниже, Риккерт смешал приемы исследования Ранке с приемами его изложения, весьма неосторожно заключив от последних к первым. Это смешение само по себе было бы любопытно у писателя, поставившего своей задачей дать «логическое введение в исторические науки»,—даже будь оно результатом случайного недосмотра или отсутствия специальной подготовки. Но дело обстоит гораздо хуже: совершенно не подозревая той колоссальной работы, какую представляет собою воссоздание исторического факта, работы, сравнительно с которой приемы изложения являются второстепенной подробностью,—Риккерт систематически сосредоточивает свое внимание на этой подробности. «Нас занимает не столько процесс нахождения результатов и исследования в исторических науках,—читаем мы во введении (русск. перев. стр. 26, ориг. стр. 25),—сколько форма их изложения, т. е. логическая структура их выводов». Это отождествление «формы изложения» с «логической структурой выводов» становится еще более интересным, благодаря следующему за ним комментарию: из него мы узнаем, что изложение-то

и есть настоящая цель научной работы историка и что процесс работы оказывается подчиненным этой цели ¹.

Другими словами, делая научное открытие, ученый прежде всего руководится тем, как он это открытие будет излагать в своей книге или на лекциях... ² Нельзя найти лучшего примера тех допотопных воззрений на историю, какие до сих пор «имеют обращение» в кругу неспециалистов. Далее, конечно не для одного Риккерта, история прежде всего «словесная» наука — *opus maxime oratorium*.

Не имея ясного представления о науке, трудно устанавливать ее нормы. Историк не извлечет из книги Риккерта ничего для себя полезного, а неисторика она не познакомит с приемом и методами той исторической науки, какая существует в действительности. Методологическое значение этого толстого трактата равно нулю. И это очень жаль, потому что исходные точки работы Риккерта, как мы увидим, совершенно правильные, и последовательное применение их к исторической методологии разрешило бы омерзительную задачу. Но нам думается, что Риккерта едва ли соблазнила бы эта слава — реформировать методы истории, применив к этой науке точки зрения, выработанные «теорией познания» в ее новейших формах. Хотя он не без почтения ссы-

¹ Ввиду важности этого места выписываем его целиком: «Нам хотелось бы прежде всего установить сущность исторического понятия, если уместно пользоваться этим выражением в противоположность естественно научному понятию. Однако поскольку весь процесс научной работы и здесь оказывается подчиненным той цели, достижение которой имеется в виду при нем, или по крайней мере должен бы был быть подчиненным этой цели, уже и при этом исследовании об изложении и в исторических науках должно обнаружиться, по крайней мере в основных своих чертах, то, что вообще существенно для логического своеобразия этих наук». (Разрядка наша.—М. П.)

² Ошибка Риккерта как нельзя более характерна для метафизического склада его мышления. В самом деле: так как метафизик весь материал своего изложения имеет готовым в своей голове, то ему не приходится заботиться о добывании материала, и научное констатирование факта кажется ему совсем пустым и легким делом. В то же время и изложение метафизической системы, действительно, совпадает с ее логической структурой. Поэтому в метафизике «изложение» (*Darstellung*) и «понимание» (*Auffassung*) суть частью покрывающие друг друга понятия, но прилагает это к истории, как делает Риккерт на странице 271—272 (стр. 313 orig.), и думать, на этом основании что методология истории «вправе не касаться вопроса о том, каким образом получается знание фактов», можно только при очень большом дилетантизме. В науке, чем она сложнее, тем больше труда и времени уходит именно на простое добывание фактов, и как раз в истории эта предварительная работа разрастается до размеров крупной и сложной методологической проблемы. См. об этом ниже.

лается на Георга Зиммеля (см. например стр. 261 русск. перев.), «итти по стопам» автора «Проблемы философии истории» едва ли входило в его планы. Они гораздо шире и направлены в другую сторону. Заголовок книги: «Границы естественнонаучного образования понятий» несравненно характернее для ее содержания, нежели подзаголовок: «Логическое введение в исторические науки». О последнем можно позабыть без всякого ущерба для дела — логически обосновать метод истории не так важно: «дело идет прежде всего о том, чтобы разрушить веру, будто при помощи только естествознания или естественнонаучной философии возможно дойти до того, что для всех нас должно быть наиболее важным (русск. перев. стр. 12, ориг. стр. 7). «Мы желаем... разрушить логические утопии некоего универсального метода» (русск. перев. стр. 494, ориг. стр. 591, разрядка наша. — М. П.). «...не существует никакого научного универсального метода» (русск. перев. стр. 496, ориг. стр. 593). Мысль «о монизме» эмпирически-научного метода есть утопия» (русск. перев. стр. 499, ориг. стр. 597). Главное в том, чтобы выработать «окончательное» (abschliessende) миро- и жизнепонимание» (ориг. стр. 15). А поперек дороги этой задаче стоит естествознание с своим «пресловутым *ignorabimus*» «Оно (это *ignorabimus*) вытекает из односторонне-естественнонаучного образа мышления, для которого остается непостижимым, что там, где ему чудятся границы познания природы, для более проницательной точки зрения не оказывается решительно никаких проблем» (русск. перев. стр. 13, ориг. стр. 9). «Естествознание» (Naturwissenschaft) или «наука, устанавливающая законы» (Gesetzeswissenschaft), т. е., короче говоря, то, что мы называем «наукой», просто знает и хочет знать только явления. Все лежащее «по ту сторону явлений», все трансцендентное не только отвергается наукой как предмет познания, но — обидно сказать — признается за совершенно праздную и научно-ненужную гипотезу... А для людей религиозного склада мыслей, для всей той мистико-индивидуалистической реакции, которая прикрывается красивым именем «идеализма» и ярким представителем которой является Риккерт, для всего этого направления не может быть цельного «миро- и жизнепонимания», которое не включало бы в себя трансцендентное. Втиснуть трансцендентное в рамки естествознания признали слишком трудным: если еще в биологии можно, с грехом пополам, продюцировать «таинственное и непонятное» в форме витализма (о котором Риккерт говорит в примеча-

нии на стр. 242—279 русск. перев. с сочувствием, наоборот, вполне понятным), то в физике или химии такая попытка может вызвать лишь смех. Оставалось попробовать общественные науки: сложность материалов, невыработанность методов почти безысходная путаница теоретических и практических точек зрения давали больше шансов на успех. Нельзя ли из этого хаоса создать новое научное царство, равноправное с «естествознанием», но не связанное его нормами? Риккерт у показалось, что можно, — и он признается в этом с похвальной откровенностью: «коль скоро история вообще должна быть разрабатываема как наука, она не может обойтись без трансцендентных элементов» (русск. перев. стр. 22, ориг. стр. 24). А раз овладев задним двором «естествознания», где пока осуждены пребывать историки, нельзя ли будет сделать оттуда набег и на его парадные апартаменты? «Имманентный натурализм логически не может быть проведен до конца. Наукоучение вообще должно (как характерна эта последняя форма долженствования!—М. П.) привести нас к тому результату, что такие (трансцендентные) элементы необходимы для всякой науки. Естественные науки могут заблуждаться относительно употребления этих элементов, так как в них это употребление стало до такой степени само собой разумеющимся, что его в большинстве случаев совершенно упускают из виду» (там же).

На каком смешении понятий основана последняя фраза, мы постараемся показать в дальнейшем изложении. Резюмируем пока наше основное приобретение: в форме методологического трактата перед нами лежит типичное метафизическое произведение. Любопытно, что нашли нужным придать ему эту форму. Говорят, что лицемерие есть дань, которую порок приносит добродетели. Псевдонаучная форма есть тоже дань, которую метафизика приносит своей победоносной сопернице.

Очевидно трансцендентное в голом виде начинает быть неприемлемо даже в германских философских кружках...

Дать сколько-нибудь полный обзор этого *Umwälzung der Wissenschaft* и установить всевозможные его «ценности» нельзя в тесных пределах одного реферата. Было бы очень желательно иметь философскую критику работы Риккерта, — только конечно не в «идеалистическом» духе, ибо тогда получилась бы не критика, а панегирик. Было бы, далее, очень хорошо, если бы кто-нибудь дал общественную оценку этого похода против науки; такая оценка конечно возможна лишь в общей связи — для всего направления,

которое лишь резюмировало себя в «Границах естественно-научного образования понятия». Задача следующего изложения гораздо скромнее. Из всех возможных точек зрения на Риккерта мы выбираем лишь три и пытаемся выяснить:

1) Действительно ли Риккерт удалось доказать, что понятие закона в естественнонаучном смысле в приложении к истории есть *contradictio in adjecto*? Для этого нам придется сначала выяснить, что Риккерт понимает под законом и как он понимает «природу».

2) Если теперешняя историческая наука не удовлетворяет основному требованию Риккерта, чтобы методы истории и «естествознания» были радикально противоположны, то возможно ли создать такую науку, которая удовлетворяла бы этому требованию?

3) Если бы такая наука была создана, то действительно ли она была бы в каком бы то ни было отношении более «научна», нежели теперешняя история, т. е. представляла ли бы собою шаг вперед или она была бы шагом назад?

Но прежде чем приступить к дальнейшему анализу «Границ», необходимо сделать одну оговорку. При беглом чтении книга Риккерта производит впечатление «блестяще написанной». Скоро однако вы убеждаетесь, что это впечатление, так сказать, чисто литературное: его дают сравнительно легкий, живой язык, умение автора поддерживать интерес читателя. По существу, трудно представить себе что-нибудь более сбивчивое. Термины, даже самые основные, не имеют одного, строго определенного, значения на всем протяжении книги: они становятся то шире, то уже, смотря по потребностям автора в тот или другой данный момент. Встретив какое-либо утверждение, вы никак не можете ручаться, что через несколько страниц автор не ограничит его настолько, что от него, в сущности, ничего не останется, или не даст ему совершенно нового толкования. Приведем несколько примеров. Выше мы видели, что Риккерт сосредоточивает внимание на изложении и историка, основываясь на том, что «изложение» и логическая структура в науке совпадают. Но на стр. 378 (русск. перев. стр. 824) мы читаем, что «из характера истории как повествовательной науки, имеющей дело с действительностью, вытекает, что в ней внешняя форма изложения гораздо менее совпадает с его внутренней логической структурой, чем это имеет место в естественных науках», т. е.—что и совершенно справедливо — от изложения еще никак нельзя заключать к методу исследования... «Индивидуумом» или «ин-дивидуумом», как

предлагает писать в своем особом смысле Риккерт, является иногда то, что все обыкновенно так называют, — отдельные человеческие личности, например. В этом смысле говорится о первостепенных и второстепенных исторических индивидуумах на стр. 375 (русск. перев. стр. 402; ориг. также 408—409 стр.). Отсюда мы узнаем, что сами великие люди суть «первостепенные» исторические индивидуумы, а родители их «второстепенные». Примеры, выбираемые на этих страницах Риккертом—Фридрих Вильгельм Шиллер, Лютер, Бисмарк, казалось бы, не оставляют читателю никакого сомнения насчет того, что *in concreto* соответствует понятию «исторического индивидуума». Но раскройте стр. 394 (русск. перев., стр. 387), здесь вы прочтете: «Род, связь, коллективное, или как бы вы ни пожелали еще назвать некоторое историческое целое, напротив того, точно так же, как всякая из их частей, суть нечто индивидуальное и особенное, т. е. они конечно обширнее и больше, но не логически общее единичных индивидуумов, из которых они состоят. Например итальянское возрождение настолько же есть исторический индивидуум, как и Макиавелли, романтическая школа настолько же, как Новалис». Все это прекрасно, и Риккерт мог бы избавить от урока элементарной логики своего читателя, который вероятно слышал о различии между «объемом» и «содержанием» понятий. Но вот затруднение: Риккерт обещает не только логический, а и теоретико-познавательный анализ. «Теория познания является для нас делом добросовестности, — говорит он, — и мы не желаем выслушивать никого из тех, которые обходятся без оправдания ею своих мыслей» (русск. перев. стр. 16, ориг. стр. 13). Для теории же познания существенны не только объем и содержание понятий, но и происхождение их. Индивидуумы второго типа, из указанных Риккертом, произошли путем упразднения индивидуальности индивидуумов первого типа. «Возрождение возникает в нашем сознании, когда мы отвлекаемся от индивидуальностей Макиавелли, Боккачио, Филельфо и т. п. и берем лишь то, что в них есть общего, не индивидуального. Понятие «Возрождения», будучи индивидуально само по себе, есть тем не менее общее понятие. А на стр. 223 весьма категорически заявлено, что «история никогда не может пытаться приводить свой материал в систему общих понятий». Итак историк, образующий общее понятие «Возрождения», поступает, с точки зрения Риккерта, неправовмерно. Он уподобляется естествоведнику, который, устанавливая какой-нибудь закон, тоже ведь создает в известном смысле индивидуальное понятие.

Закон Мариотта например относится только к газам и в этом смысле он так же индивидуален, как «Возрождение». Итак одно из двух: или историк «может пытаться» образовывать общие понятия—и тогда между ним и естественным разница только в степени, а не по существу—или же индивидуум второго типа не есть «исторический индивидуум» в смысле Риккерта.

Вопроса об «индивидууме» нам придется еще касаться; здесь мы имеем центр риккертовской «философии истории». Другим основным вопросом является возможность познания действительности — и тут мы встречаемся с той же особенностью изложения. На стр. 252 (русск. перев. стр. 221) мы читаем: «Действительность в ее воззрительной и индивидуальной форме не входит ни в какую науку». А двумя страницами дальше мы узнаем, что историю «можно охарактеризовать как подлинную науку о действительности (*eigentliche Wirklichkeitswissenschaft*)». На стр. же 338 (русск. перев. стр. 292) «еще раз приходится повторить: сама действительность, как воззрительная и индивидуальная, не входит ни в какую науку». И еще Риккерт в примечании к этой странице обижается, что у читателей «возникают недоразумения».

Было бы очень легко заключить от этой путаницы изложения к путанице мыслей и обличить фрейбургского логика в неумении свою науку прилагать к делу. Мы этого не делаем. В книге Риккерта, как и в безумии Гамлета, несомненно «есть последовательность»; но нельзя не отметить, что неряшливость изложения, бесчисленные повторения одного и того же, с разными однако вариациями, крайне затрудняют критический анализ книги. Всякому утверждению, основанному на подлинных словах Риккерта, можно противопоставить контр-утверждение, основанное тоже на подлинных словах, но взятых с другой страницы. У немецких метафизиков выработан шаблонный прием, которым они парируют все упреки в неясности и туманности: они высокомерно заявляют, что их книгу может понять лишь тот, кто ее прочел от первой до последней строчки. Риккерт не был бы метафизиком, если бы он не прибег к этому приему: «обязательно предварительно прочесть всю книгу для того, чтобы узнать, что я имею в виду», «...необходимо отложить суждение о правильности моего взгляда до конца книги» (русск. перев. стр. 5, ориг. стр. VII). Правда, с обычной склонностью к противоречиям, он советует некоторым из своих читателей на стр. 531 «не читать далее», — лишая их удовольствия узнать, «что он имеет в виду», — и «судить о